

А. АЛТАЕВ

ВПЕРЕДИ ВЕКОВ

Ал. Алтаев

**Впереди веков. Историческая
повесть из жизни
Леонардо да Винчи**

«Спорт»

1913

ББК 36.99

Алтаев А.

Впереди веков. Историческая повесть из жизни Леонардо да Винчи
/ А. Алтаев — «Спорт», 1913

ISBN 978-5-903508-04-4

Повесть Ал. Алтаева (литературный псевдоним писательницы М. Ямшиковой), впервые вышедшая в свет в 1913 году, рассказывает о жизни и творчестве величайшего живописца и ученого эпохи Возрождения, личность которого и по сей день вызывает живой интерес у самой широкой аудитории.

ББК 36.99

ISBN 978-5-903508-04-4

© Алтаев А., 1913

© Спорт, 1913

Содержание

От издательства	6
I. Майский баловень	7
II. Перемены	13
III. Новая жизнь	19
IV. Юный художник	27
V. Предложение Лоренцо Великолепного	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ал. Алтаев

Впереди веков. Историческая повесть из жизни Леонардо да Винчи

От издательства

На протяжении веков личность и творчество Леонардо да Винчи вызывают неослабевающий интерес. О гениальном художнике Возрождения написана обширная литература, причем ученые, исследователи и поэты не только изучали его искусство, но прежде всего пытались проникнуть в его душу всеми доступными художественными, научными и псевдонаучными методами. Однако несмотря на периодически появляющиеся новые факты и некоторые уточнения, мы до сих пор не знаем по-настоящему, что представлял собой Леонардо как человек. Да и так ли уж нужно это знать?

Леонардо был гением, а природа гениальности непостижима. Джорджо Вазари, первый биограф художника, писал в своем замечательном труде «Жизнеописания знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих»: «Мы постоянно видим, как под воздействием небесных светил, чаще всего естественным, а то и сверхъестественным путем, на человеческие души обильно изливаются величайшие дары и что иной раз одно и то же тело бывает с переизбытком наделено красотой, обаянием и талантом, вступившим друг с другом в такое сочетание, что, куда бы такой человек ни обращался, каждое его действие божественно настолько, что, оставляя позади себя всех прочих людей, он являет собой нечто дарованное нам Богом, а не приобретенное человеческим искусством».

Повесть «Впереди веков», написанная еще в 1913 году, не претендует на раскрытие каких-либо тайн и загадок и представляет собой художественную биографию Леонардо да Винчи – сначала маленького мальчика, мечтающего «знать все на свете», затем знаменитого художника, архитектора и ученого при дворах Лоренцо Медичи, Лодовико Сфорца и французского короля Франциска I и, наконец, полупарализованного старика, скончавшегося на руках у своих верных учеников. Автору удалось главное – создать образ, пусть и несколько идеализированный, великого человека великой эпохи, счастливого и в то же время несчастного, уже при жизни почитаемого сильными мира сего, но до конца так и не оцененного.

* * *

В начале XX столетия Маргарита Ямщикова (1872–1959), дочь видного деятеля русской театральной провинции, предводителя дворянства Великолукского уезда В.Д. Рокотова, подписала свое первое произведение литературным псевдонимом Ал. Алтаев, не без основания полагая, что, по понятиям того времени, государственная, общественная и творческая деятельность – это привилегия сильного пола. Под этим именем в свет вышли многочисленные произведения писательницы, в наши дни, возможно, незаслуженно забытые, среди которых особое место занимают исторические и историко-биографические повести о гениях эпохи Возрождения. Одну из них мы предлагаем вниманию читателя.

І. Майский баловень

Было раннее утро 1 мая 1460 года. Раскинувшаяся у горы Албана живописная деревушка Винчи имела в этот день особенно оживленный, праздничный вид. Перед домиками яркой зеленью выделялись молоденькие «маджио» – майские деревца боярышника, опушенные мягкой светлой листвой. Жители Винчи посадили их сегодня, по обычаю, рано на заре.

Лениво тащатся по улицам быки, разукрашенные гирляндами благоуханных роз, блестящих погремушек и ярких бумажек. На телегах, среди темной листвы лавров и мирт, красиво белеют цветущие ветви померанцев; стебли дикого розмарина переплетены блестящими безделушками. Ветер шевелит пестрые бумажки и колокольчики; они свободно перебрасываются из стороны в сторону и звенят веселым серебряным звоном. Эти своеобразные звуки сливаются с веселыми голосами праздничной толпы.

На возу, поверх зелени, сидит мальчик с повязанными пазами и луком в руке. Золотые кудри, длинные и мягкие, красивыми завитками падают ему на шею. Он оживленно мечет во все стороны свои стрелы. Мальчик изображает крылатого Купидона. За телегой стройными парами шествуют в праздничных нарядах, убранных цветами, молодые девушки и под звуки лютни и флейты поют веселые песни, радостный майский гимн природе:

«Сосны, бук и лавр, трава и цветы, луга и утесы светились ярче всяких сокровищ...

Смеялось небо в блеске дня, смеялся луг и благоуханный воздух, полный звуков... Как хорошо это синее небо!»

«Как хорошо это синее небо!» – вторит хор юношей.

И пение, и розы, и зеленое «маджио», украшающее грудь каждого из поющих, – все так торжественно, стройно и прекрасно.

Но вот и лужайка на берегу реки Арно, излюбленное место для игр деревенской молодежи. Маленький Купидон поспешно срывает здесь со лба повязку. Его красивое тонкое личико с большими серыми глазами пытливо и с нетерпением обращается к окружающей толпе. Звуки флейты и лютни делаются все громче и живее: молодежь наперебой разбирает с воза зеленые ветви и, позванивая побрякушками, сплетается в хоровод.

– Леонардо! – кричит веселая хорошенькая Бианка, наклоня к маленькому Купидону свое смеющееся радостное личико, – мой баловень! Пойдешь ли ты сегодня со мною плясать?

И сильными гибкими руками она подхватывает «крылатого бога», и он кружится вместе с ней под плясовые звуки в веселом хороводе...

Лютни и флейты поют майскую песню, и вторит им серебряная песня весенних птичек... А померанцевые деревья осыпают кружащиеся пары молочно-белым дождем...

Какой-то заезжий испанец под звуки мандолины пускается в быстрый и жгучий танец, прищелкивая кастаньетами, и маленький Леонардо старается передразнить испанца ловкими и грациозными движениями.

Заинтересованный испанец разглядывает мальчика, как любопытного зверька.

– У меня нет таких штук, как у вас, – говорит Леонардо с ласковой грацией балованного ребенка и указывает испанцу на его кастаньеты, – но я умею петь.

Он взял аккорд на мандолине испанца и запел. Лицо мальчика сделалось серьезным, торжественным. Наивная детская песня трогала за сердце своей безыскусственной простотой. Леонардо сам тут же придумывал и слова и мотив. Он пел о поле, сверкающем тысячами ярких цветов, о вольной пташке, которая полюбила один из них и, улетающая зимой в теплые края, звала с собой бедный цветок... Но он не мог покинуть своего поля и замерз, убитый первым морозом...

И далеко-далеко откликнулась этой грустной песенке в такой радостный день неведомая птичка.

Когда Леонардо кончил, его стали душить в объятиях, а хорошенькая Бианка украсила его золотые кудри своим венком. Леонардо улыбался, смущенный и счастливый. Сегодня он был героем праздника, и ему удалось доказать этому пришлому самоуверенному испанцу, что в Италии и дети умеют петь и плясать.

Праздник тянулся без конца. Солнце начинало припекать слишком назойливо. Пора было подумать о возвращении домой, где каждого ждало праздничное угощение.

– Понесем Леонардо! – предложила Бианка. – Сегодня он заслужил эту честь! Понесем его, как короля, на троне! Ну, майский король, занимай свой трон!

Смеющиеся девичьи лица наклонились к Леонардо, сильные руки подхватили его и вот уже несут его, покрытого цветами и венками из душистых полевых трав. Его проносят мимо дома старого деревенского торговца Беппо, и Беппо качает добродушно головой, глядя на это забавное шествие. Пронесут Леонардо и мимо домика хорошенькой Бианки, оплетенного виноградом, и мать Бианки, высунувшись из окна, грозит им своей костлявой рукой. Но шествие смело двигается вперед под звуки лютни, флейты и мандолины и под тихое пощелкивание кастаньет заезжего испанца...

Но вот и «дворец» маленького короля, или, вернее, дом его отца, деревенского нотариуса, синьора Пьеро да Винчи. Опрятный дом с прекрасным цветником и балконом, оплетенным розами, смотрится сегодня особенно приветливо, разукрашенный майскими ветками. У порога сидит старушка, прямая, стройная, с серьезным лицом, сохранившим еще следы былой красоты. Она шьет роскошную мудреную пелену в дар Святой Деве. Ее ясные задумчивые таза с удивлением и лаской останавливаются на молодежи, в центре которой оказывается ее маленький внук Леонардо, весь засыпанный цветами.

– Что это, мой Леонардо, зачем тебя так несут, точно короля или папу?

– Ах, бабушка Лючия, ведь я сегодня король! Лови, мама Альбиера, лови!

Целый дождь цветов летит в окно. Оттуда выглядывает улыбающееся лицо красивой молодой женщины.

Леонардо весело и ловко соскакивает с цветочного трона, бежит сначала к бабушке Лючии, матери своего отца, а потом к маме Альбиере, мачехе. И, глядя на ласковую улыбку молодой женщины, нельзя подумать, что Леонардо – ее пасынок: столько нежной заботливости и любви светится в черных глазах синьоры Альбиеры.

– Прощайте, Бианка, Никколоза! – кричит Леонардо вслед уходящей молодежи. – Мама Альбиера, я до смерти голоден.

И мама Альбиера пододвигает к мальчику несложное деревенское угощение – вкусную «джьонкату» – свежий творожный сыр, горячие «оффелетти» – пирожки с тмином, – студень из свиной крови – «милльячи», и дает ему кубок, полный светлого легкого вина. Уплетая за обе щеки, мальчик рассказывает мачехе, как весело было на лужайке около Арно, и Альбиера с любопытством ребенка слушает товарищескую болтовню пасынка. Рот Леонардо набит дымчатыми оффелетти, и женщины смеются, глядя на проголодавшегося ребенка.

– А я что-то нашла сегодня в саду, хитрец, – говорит лукаво синьора Альбиера. – Ишь ведь какой, и ничего не сказал мне. Погоди, я покажу отцу, и тогда...

– Ты не сделаешь этого, мама Альбиера! – вскрикивает мальчик, вскакивая как ужаленный. – Потому что это... Дай сюда, мама Альбиера!

Синьора Альбиера, высоко подняв над головой руки, держит в них глиняную статуэтку, которую он вылепил вчера в саду. Леонардо становится на цыпочки и силится вырвать у нее свое сокровище. И эти две фигуры, одна дразнящая, полная шаловливой грации, другая умоляющая, залитая лучами южного солнца, так и просятся на картину.

Альбиера устала первая.

– Ну, будет... На тебе, упрямец, так и быть: вон идет отец.

Синьор Винчи, плотный мужчина, в самом деле показался на дорожке сада. По его сосредоточенному лицу было видно, что он не расположен в эту минуту к шуткам.

– Это что такое, Альбиера? – спросил он, хмуря брови и внимательно разглядывая статуэтку Леонардо.

– Это моя работа, отец, – отвечал спокойно мальчик.

– А, да, да... – медленно, задумчиво проговорил синьор Пьеро. – Это, пожалуй, хорошо... Только вот... Когда ты кончишь свои хлопоты по хозяйству, Альбиера, зайди ко мне. И вас, дорогая матушка, я хотел бы попросить о том же. А ты, повеса, рисуй, лепи, пой, но только все в меру: плохо будет, если кроме этих забав у тебя ничего не будет больше в голове.

И довольно добродушно погрозив сыну пальцем, нотариус прошел в свой рабочий кабинет.

В доме Винчи царил невозмутимый мир. Идолом всех был маленький Леонардо, живой, способный ребенок, очаровывавший всех своими выдающимися способностями, красотой и приветливостью.

Для синьоры Альбиеры Леонардо был баловень, любимая игрушка, живая и ласковая. У нее не было своих детей. Но кто больше всех любил маленького Леонардо – это старая бабушка Лючия. Внук казался ей верхом совершенства. Она не видела в нем никаких недостатков и возлагала на него в будущем большие надежды.

Бывало, взгрустнется бабушке, а внук тут как тут: подойдет сзади и обнимет ее за шею своими теплыми, мягкими руками. И морщины на лице ее разглаживались, а взгляд больших строгих глаз делался мягким и ласковым.

Так и сегодня, пока Альбиера возилась с хозяйством, мальчик прикорнул около старушки и теребил ее за руку:

– Расскажи, бабушка Лючия, сказку!

И бабушка не сердилась, что он смял ее головную косынку; она улыбалась ему кротко и ласково и принималась рассказывать старую, знакомую, но всегда милую сказку:

«В некотором царстве жил-был добрый человек. Звали его Печьоне, – ровно звучал старческий голос. – И было у него пять сыновей, таких ледащих и нику да негодных, что бедный отец не знал, как с ними быть. Не захотел он их больше кормить и решил от них отвязаться. Вот он и говорит им:

– Сыны мои, видит Бог, что я вас люблю, но я уже стар и не могу много работать, а вы молоды и любите досыта покушать. Чем я вас стану кормить? Каждый за себя, а Господь за всех. Идите вы себе искать хозяев и научиться какому-нибудь мастерству, а возвращайтесь ко мне через год!

Ну, хорошо. Пошли эти сыновья, как приказал им отец, и вернулись к нему ровно через год. Стал отец спрашивать у каждого:

– Ты чему научился, Луччио? – спрашивает у старшего.

– Воровству, батюшка.

– А ты чему, Титилло?

– Корабли строить, батюшка.

– Ну, а ты чему, Ренцоне?

– Я, батюшка, научился так стрелять из лука, что попадаю в глаз петуху.

– А я, батюшка, – молвил Якуччио, – знаю траву, что может воскресить мертвых.

– Что же ты знаешь, Манекуччио? – спрашивает отец у самого младшего.

И молвил Манекуччио:

– Ничего я не умею, батюшка: ни воровать, ни корабли строить, ни стрелять, ни находить траву целебную; только одному я научился: понимать, как птицы небесные между собой разговаривают.

Вот и рассказала мне птичка Божья, что дикий человек утащил у царя Аутогверфо его единственную дочь и запер ее на утесистом острове, а царь кликнул клич: «Кто возвратит мне дочь, тому она в жены достанется...»

Синьора Лючия остановилась на минуту. Леонардо, широко раскрыв глаза, неподвижно и пристально впился в нее своим острым взглядом. Из груди его вырвался подавленный вздох. Старушка продолжала тем же размеренным, спокойным голосом:

«Вот они и поехали искать счастья. На лодке, что сделал Титилло, подъехали к острову. Дикая человек спал на солнце. Голова его покоилась на коленях прекрасной царевны Чьянны... Луччио научил положить ему под голову камень, а девушку взять в лодку... Проснулся грозный дикий человек, увидел – нет красавицы, только вдалеке белый парус виднеется. Разгневался он, обернулся грозной тучей и летит в погоню за царевной. Заплакала Чьянна, на черную тучу глядя, и от страха бездыханной упала на дно лодки... А Ренцоне в это время пробил черную тучу меткой стрелой, и, когда лодка причалила к берегу, Якуччио воскресил царевну своей целебной травой. Очнулась Чьянна прекрасная... Тут братья стали спорить, кому она в жены достанется... Титилло говорит, что ему: он лодку построил; Луччио говорит, что ему: он украсть научил; Ренцоне...»

– Матушка, – говорит Альбиера, – вас Пьеро зовет... Верно, о тебе говорить хочет, – шепчет она тихонько на ухо Леонардо, и мальчик вздрагивает, хотя он весь еще полон сказкой.

– Ну, и что же Ренцоне? – спрашивает он замирающим голосом старушку, хотя отлично знает конец сказки. – Что же дальше, бабушка?

– Ну, а дальше... дальше... Да они и теперь еще спорят о прекрасной царевне Чьянне!

И она оставляет Леонардо, полного сладких и волнующих мыслей о сказке.

Тяжелая дверь отцовского кабинета заперта наглухо. Мальчику хочется знать, что делается там, за этой тяжелой дверью. Быть может, мама Альбиера права, и там решается его судьба... Мальчик на минуту задумывается, но потом грезы о прекрасной златокудрой Чьянне и страшной черной туче, о пяти братьях и целебной траве снова заполняют его голову. Он вздыхает уныло и сладко и выходит в сад, над которым уже успела спуститься темная ночь, а на глубоком куполе неба зажглись звезды, кроткие, трепетные и ясные, как очи златокудрой царевны. В высокой траве прошелестела змейка... Где-то вдали сладко-сладко залился соловей... У ног мальчика загорелся светлой голубоватой искоркой светляк. Леонардо взглянул на него и стал думать, отчего на теле этого невзрачного червяка есть такой фонарик, который, как по волшебству, светится только ночью; потом мальчик нагнулся, поднял двумя пальцами крошечное создание вместе с листком и осторожно и бережно положил к себе на ладонь.

«Приду домой, – подумал он, – и сейчас же стану его разглядывать, и узнаю, отчего он светится; до тех пор не оставлю его, пока не узнаю...»

И, подняв глаза вверх, мальчик еще раз с восторгом посмотрел на яркие звезды, подобные каплям расплавленного золота, готовым вот-вот вылиться на землю...

– Точно очи царевны Чьянны... – шептали его губы. – Бабушка говорит, что это – глаза Божьих ангелов. Только это неправда. Я слышал, что звезды – далекие страны, точно наша земля. А сколько их, сколько!

Мальчик вздохнул.

– Ах, как бы я хотел про все это знать! – прошептал он, осторожно поправляя сползавшего с листка червяка. – Про все знать: и про звезды, и про травы, и про этого червяка, и про птиц...

Большая летучая мышь, тяжело опускаясь, задела его крылом по лицу.

– И про эту летучую мышь, – сказал себе тихо Леонардо. – Отчего она летает только ночью, отчего она днем ничего не видит и отчего она не летает так легко, как ласточка или голубь? Хорошо все, все знать!

Рисунок Леонардо да Винчи

Он откинул голову назад и еще раз посмотрел на звезды, ясные и чистые на темном куполе неба. Потянуло ветерком.

– Леонардо! – раздался густой голос отца. Мальчик вспомнил о тяжелой двери отцовского кабинета и скоро-скоро пошел на зовущий его голос.

Синьор Винчи в своем высоком кожаном кресле казался особенно торжественным. Торжественны были и лица синьоры Альбиеры и бабушки Лючии.

– Мой Леонардо, – сказал серьезно, почти строго нотариус сыну, – ты недурно поешь, лепишь, едешь верхом и пляшешь. Все это хорошо, но... короче сказать, я тебя от даю в школу. Того же хотят твоя бабушка и мать.

И синьор Винчи, произнеся эту коротенькую речь, с довольным видом посмотрел на обеих женщин. И мама Альбиера, которой в сущности жалко было отпускать мальчика из дому, ответила со вздохом:

– Да, мой Леонардо, я совершенно согласна с твоим отцом.

Синьор Винчи был очень расчетлив, и теперь он кусал губы, соображая, сколько ему предстоит вытрясти из кошелька за учебу сына.

– Придется мне подниматься и ехать во Флоренцию, – проговорил он в раздумье, – твое образование меня очень беспокоит. Боюсь, чтобы непоседливость не сделала из тебя недоучки. А теперь ступай и спи с Богом.

И когда Леонардо, простившись с родителями, вышел, синьор Винчи стал рыться в расходной книге, высчитывая и записывая предполагаемый расход на обучение сына.

Перед сном Леонардо вышел в сад. Он раскрыл руку и посмотрел на ладонь, где лежал крошечный светлячок.

– Ау! – раздался над его ухом серебристый голос, и кто-то закрыл ему руками глаза.

Леонардо почувствовал мягкие руки Альбиеры.

– А, это ты, мама, – сказал он, ласково улыбнувшись и отводя ее руки.

– О чем задумался так, мальчуган? – спросила она. – Ты точно ученый астролог, все смотришь на звезды. А это что? Ай-ай, противный червяк! Брось его! А как я рада, что ты останешься с нами и что все мы поедem во Флоренцию! Иди спать... – сказала она, потягиваясь. – Совсем глаза слипаются...

Мальчик пошел за нею, продолжая бережно держать в руке светляка.

Когда он пришел в освещенную комнату и взглянул на червяка, тот не светился. Он казался таким невзрачным, жалким и противным.

«Отчего это?» – подумал Леонардо.

И долго еще сидел он на постели, свесив ноги и думая о том, отчего это так много тайн в природе, чудесных, неизведанных и заманчивых, и ему хотелось во что бы то ни стало проникнуть в эти тайны. А когда он заснул, ему снились гордая, прекрасная Флоренция, майское празднество, учитель латинской школы, хвастливый испанец и маленький светлячок, который так непонятно и чудесно светится...

II. Перемены

Недолги были сборы во Флоренцию. И бабушка Лючия и Альбиера делали все весело и охотно. Во Флоренции на площади Сан-Фирензе у Винчи был свой дом. Маленький сын нотариуса чувствовал себя очень хорошо, подъезжая к Флоренции. Широко раскрытыми, удивленными глазами смотрел он на чудный город с высот Фиезоле. В чистом безоблачном небе тонул блестящий купол собора Санта-Мария дель Фьоре; причудливо вырисовывался живописный холм Сан-Миниато; как в панораме, мелькали бесчисленные дома, дворцы, монастыри, башни и колокольни. На зданиях ослепительным перламутровым блеском сияли прекрасные выпуклые изображения из глазированной глины... Со стен смотрели кроткие лики мраморных мадонн... И Леонардо, чутким сердцем стремящийся ко всему прекрасному не мог оторвать восхищенного взора от дивных красот Флоренции.

Здесь все было ново для маленького Винчи. Проходя на другой день с отцом по широкой улице Понте Веккио, Леонардо с удивлением смотрел на лавки золотых дел мастеров. В руках этих людей каждая безделушка являлась совершенством художественной отделки. То же видел он и в мастерских столяров, резчиков и кузнецов: везде была та же точность рисунка, понимание формы, богатство воображения, какие необходимы для создания крупного художественного произведения.

Флоренция, «республика муз», была в то время колыбелью, центром умственной жизни Италии. Во главе Флорентийской республики стоял знаменитый банкир, мудрый Козимо Медичи. Этот просвещенный правитель, богач, ссужавший деньгами иноземных королей, собирал вокруг себя всех лучших представителей науки и искусства, не жалел денег на приобретение для своего родного города редких картин, статуй, древних рукописей. Не жалел он средств на помощь нуждающимся поэтам, ученым, художникам. Прекрасная вилла Медичи, Кареджи, была гостеприимным приютом для талантливых граждан, и душой всех был сам Козимо Медичи. В тенистых садах Кареджи он устроил даже академию, наподобие академии древних Афин, а при монастыре Сан-Марко его заботами, по завещанию его друга Никколо Никколи, возникла богатейшая библиотека, первая публичная библиотека Италии.

Страсть к собиранию произведений древнего искусства и науки охватила тогда всю страну. С целью изучить памятники старины повсюду производились тщательные раскопки; в моду вошли греческие учителя, принесшие в Италию греческое образование. Многие трагитали на библиотеки и музеи древнего искусства и науки целые состояния, и уже упомянутый Никколо Никколи совершенно разорился на знаменитой библиотеке Сан-Марко.

В латинскую школу, где дети занимались под руководством греческих учителей, попал и маленький Леонардо да Винчи. Это была одна из самых лучших школ во Флоренции: нотариус не жалел денег для воспитания своего сына. Как и все учебные заведения того времени, эта школа отличалась суровой дисциплиной. Дети боялись своих воспитателей, которые нередко в минуты раздражения прибегали к палке. Латинскому языку Леонардо, как и все мальчишки, должен был обучаться тотчас же после обучения чтению, письму и счету, а потом особенное внимание обращалось на логику.

Ласковый мальчик, баловень семьи, скоро сделался баловнем среди товарищей. Ему легко давалась премудрость латинской школы, и он охотно делился своими знаниями с товарищами. Даже строгие учителя относились к красивому, способному ребенку мягче, чем к другим школьникам. Леонардо, впрочем, не был особенно усидчивым.

– Ты, Леонардо, как будто не учишься, а только играешь, – говорила часто синьора Альбиера, не то жуя пасынка, не то восхищаясь им. – Если бы ты учился более прилежно, то из тебя вышло бы что-нибудь очень важное, – ты стал бы знаменитым учителем или нотариусом. . .

Последнее казалось синьоре Альбиере высшей ступенью человеческого благополучия; о большем она никогда не смела мечтать в своих скромных желаниях. Но Леонардо вовсе не нравились эти высокие должности. Он интересовался решительно всем на свете, но только не деловыми книгами отца и не сухим преподаванием школьной премудрости.

Рисование не переставало интересовать мальчика. Он не мог равнодушно проходить по улицам Флоренции мимо фресок и барельефов знаменитых мастеров и часто по целым часам неподвижно созерцал чудные мраморные изваяния. И сама по себе Флоренция развивала в мальчишке любовь к прекрасному. Вряд ли в каком-нибудь другом городе Европы можно было встретить более образованных, живых, блестящих и талантливых обывателей; вряд ли где более пламенный патриотизм возбуждал сердца граждан и вряд ли где можно было видеть ту царскую щедрость, которая проявлялась, когда речь шла о каком-нибудь великом деле, могущем прославить Флоренцию.

Но особенно гордились флорентийцы своими художниками, отлично понимая, сколько величия и блеска придают их произведения Флоренции. Нигде еще не приходилось видеть искусство и художников в таком великом почете. Здесь художник был равен самому богатому и влиятельному вельможе. Соревнование художников поднимало на ноги всех, а иногда вопрос об отъезде их из данного места принимал размеры вопроса государственного. Позднее, когда знаменитый флорентийский художник Микеланджело вздумал покинуть Рим, папа, чтобы вернуть его, двинулся с мечом на родную его республику.

Флоренция действительно представляла собой обширный рассадник, в котором вся Европа, начиная с главы католической церкви, папы, и кончая турецким султаном и царем московским, добывала себе зодчих, скульпторов, живописцев, золотых дел мастеров. Все это развило в самих художниках чувство собственного достоинства и законную гордость.

Здесь улица была художественным музеем; улица учила любить и познавать искусство. Каждый уличный мальчик Флоренции знал лучшие творения своих мастеров, говорил о них с гордостью и восторгом.

Немудрено, что и в маленьком Винчи теплилось горячее чувство к красоте и искусству. Ласковое, любовное отношение семьи, красота и величие дивной итальянской природы еще более усиливали это чувство.

Так рос Леонардо. . .

Этот неугомонный и всегда неудовлетворенный ребенок постоянно ставил в тупик своего учителя.

– Ой, Леонардо, – говаривал почтенный грек, неодобрительно покачивая головой, – ничего-то путного из тебя не выйдет. Ты хватаешься за все и ничему толком не научишься.

Леонардо молчал. Мысли его были далеко: он думал о каком-то сложном для мальчика его лет вычислении. В последнее время это особенно интересовало его.

– Эй, Леонардо, ты с каких это пор стал спать, когда с тобой говорит твой учитель?

Леонардо поворачивал голову, смотрел на учителя своими большими серьезными глазами, точно только что проснувшись от сладкого сна, и говорил:

– Я не сплю, синьор, но я думаю... думаю и не понимаю... Мне хочется, чтобы вы разъяснили мне один вопрос по математике...

Но учитель часто не мог разъяснить сомнений пытливого ума ребенка, и ему приходилось со стыдом увертываться от расспросов...

Жил в то время во Флоренции знаменитый врач и философ Тосканелли. Это имя хорошо знали даже уличные мальчики. Не раз, проходя мимо дома ученого, маленький Винчи со вздохом смотрел на таинственный вход, который в его воображении рисовался дверью в святилище. В этом доме около большого рабочего стола, покрытого сложными приборами – кубами, ретортами, перегонными шлемами, ступами, колбами и трубками, целыми днями работал, точно отшельник, этот замечательный человек, отказавшийся от мира. Яркое красноватое пламя неуклюжей печи освещало его спокойное, строгое лицо с печатью величавой думы на челе. Он исписывал длинные свитки бумаги, чертил, думал и опять чертил, и Леонардо видел это в окно его жилища. Здесь, среди тишины строгого кабинета, была определена широта и долготы Флоренции, была начерчена карта, благодаря которой сделалось возможным путешествие Колумба в Америку.

Часто Леонардо видел и на улице фигуру знаменитого математика в черном плаще, окруженного многочисленными преданными ему учениками. Длинные седые волосы окаймляли его худое лицо с глубокими, вдумчивыми глазами; вся фигура дышала каким-то важным, спокойным величием, и мальчик невольно чувствовал к ученому странное благоговение, смешанное со страхом.

Его, положительно, тянуло к таинственному дому ученого. И с каждым днем все больше и больше разгоралось в душе Леонардо страстное, непреодолимое желание говорить с этим важным стариком, идти за ним, следовать всюду, как следуют его ученики.

И он простаивал у дома Тосканелли по целым часам, как нищий, ожидающий подачки. Наконец Тосканелли заметил мальчика, следящего за ним жадными глазами.

– Кто это, Лука? – спросил небрежно Тосканелли одного из своих учеников. – Что это за таинственные фигуры?

Леонардо чертил палкой на земле геометрические фигуры и делал какие-то свои собственные вычисления.

– Что ты здесь делаешь у моего дома каждый день и зачем следишь за мной?

Мальчик вспыхнул, и большие ясные глаза его ярче заблестели.

– Я хочу учиться у вас математике! – сказал он решительно.

Это короткое заявление ребенка пришлось по вкусу ученому. Он улыбнулся загадочной улыбкой.

– Который тебе год, маленький Архимед? – спросил он насмешливо, смерив с головы до ног всю его несложившуюся фигурку.

Леонардо слегка покраснел.

– Скоро двенадцать, синьор, но это не мешает мне любить науку.

– Ого, какая громкая фраза для такого маленького человечка! – воскликнул Тосканелли. – Ну что ж, все равно...

Он подумал и, слегка прищурившись, сказал шутливо:

– Отныне мой дом всегда открыт для моего нового ученого друга.

Глаза Леонардо весело заблестели. Он понял добродушную насмешку ученого и, как взрослый, раскланялся с утонченной учтивостью:

– Я буду весьма признателен синьору маэстро...

Тосканелли еще раз улыбнулся, кивнул и поднялся на лестницу, ведущую в его таинственное жилище.

С этих пор сын нотариуса сделался учеником знаменитого математика. Мало-помалу Тосканелли серьезно заинтересовался мальчиком, закидывавшим его самыми разнообразными вопросами и принимавшим горячее участие в научных беседах и опытах.

И Тосканелли наложил глубокую печать на весь склад души Леонардо...

В то время, когда Леонардо был всецело поглощен новым миром, открывшимся перед его глазами благодаря знаменитому учителю, дома у него творилось что-то неладное. Синьора Альбиера давно уже начала прихварывать и в одно утро не поднялась с постели. Тяжелая изнурительная лихорадка с каждым днем все более и более истощала это молодое, прекрасное тело.

– Я уже не встану, – говорила она грустно, – я не увижу больше ни цветов, ни зелени, ни голубого неба, не увижу больше ясного мая...

И тяжелые слезы дрожали на ее длинных ресницах.

Она угасала с каждым днем и, смотря на свое совершенное, как изваяние, тело, содрогалась при мысли о смерти.

– Кто это там ходит рядом? – говорила она с испугом. – О, матушка, что это там за старуха, зачем ты привела ее?

– Молчи, молчи! – шептала таинственно синьора Лючия. – Она поможет тебе, она знает средство... Ну, мона Изабелла, пройдите к больной...

Мона Изабелла была старая колдунья, и в то время, когда даже самые выдающиеся люди верили еще в чудеса, заклинания и колдовство, имела большой успех у флорентийцев. Она лечила, заговаривала, избавляла от порчи и беззастенчиво обманывала простодушных граждан.

И теперь она нагнулась к больной, уставясь на нее своим единственным, острым, как сталь, глазом. Больная покорно протянула ей тонкую, полупрозрачную руку.

Леонардо, забившись за высокий шкаф, видел в щелку страшную старуху и неподвижным взглядом, с крепко бьющимся сердцем следил за малейшим ее движением.

И колдунья зашамкала беззубым ртом:

– Возьми мозг ласточки, разведи его в хорошем вине и дай испить больной...

Бабушка Лючия одобрительно закивала, а у больной широко, с испугом, открылись глаза.

– Добудь сердце волка... – шипела старуха, – свари его и дай съесть больной в пятницу или в воскресенье... Ой, тру дно выгнать болезнь, трудно одолеть порчу...

Она поникла головой и несколько минут думала. Леонардо ждал, притаив дыхание.

Рисунок Леонардо да Винчи

– Или возьми голову мыши и, высушивши, носи на себе...

Она опять подумала.

– Под камнем у колодца, что на дворе у мессера Алонзо, есть большая черная жаба... Когда пробьет полночь... – начала старуха и, нагнувшись к уху бабушки Лючии, продолжала таинственным шепотом.

И от этого шепота старушка испуганно и часто повторяла молитву Святой Деве, а у мамы Альбиеры лицо сделалось белым, как наволочка на ее подушке. Леонардо почувствовал, что у него больно защемило сердце и по телу побежали мурашки...

После ухода моны Изабеллы больной стало хуже. Ночью синьора Лючия со слезами на глазах принесла ей что-то завернутое в тряпку и положила на грудь. Леонардо заметил и догадался, что это печень большой жабы мессера Алонзо. Больной стало хуже...

Сложив на коленях свои худые старческие руки, синьора Лючия думала горькую думу о том, как опустеет их уютный дом и как бедный ее сын Пьеро станет одиноко и уныло ходить по пустынным комнатам, где так заразительно звенел прежде смех Альбиеры. А Леонардо? Что если он без матери, избави Бог, станет слоняться без толку по флорентийским улицам и, чего доброго, попадет в дурную компанию?

В одно утро Леонардо не пошел в школу, не пошел он и к маэстро Тосканелли: маме Альбиере стало так плохо, что пришлось послать за духовником. После исповеди все стали подходить и прощаться с больной. Леонардо душили слезы, и он выбежал из комнаты...

– Отошла... отошла... О пречистая Дева!.. – раздался вдруг скорбный крик бабушки, и, бледная-бледная, она показалась на пороге спальни. – И к чему живу я, старуха, никому не нужная, и к чему идут к Тебе такие молодые, счастливые! Боже, Боже! Ты один ведаешь, что творишь!

Леонардо заплакал, прижавшись к ее старческой, морщинистой руке, тихо, скорбно, беззвучно...

Не стало Альбиеры, и все пошло не так в доме нотариуса. Бабушка все время уныло и мрачно мурлыкала какую-то похоронную песню и говорила, что скоро ее черед: недаром собака так воеет по ночам во дворе. Синьор Винчи не мог видеть этой мрачной старческой фигуры, вечно уныло перебирающей свои темные четки. Он сразу осунулся, точно постарел на десять лет; и стал реже и реже бывать дома, где все ему напоминало покойную жену.

Наконец однажды он сказал матери сквозь зубы, глядя в окно:

– Так жить нельзя. Надо жениться.

Эти слова заставили бабушку Лючию уронить от страха работу.

– Доброе дело! – сказала она через минуту равнодушно и глухо, потом спросила, как будто дело шло о покупке нового плаща: – Есть на примете? Молодая? Красивая? Из хорошей семьи? – И когда Пьеро кивнул на все утвердительно, синьора Лючия равнодушно процедила сквозь зубы: – Женись, пожалуй... Кто такая?

– Франческа Альфердини.

– А!

Ее тусклые глаза, на минуту оживившиеся, снова потухли. Для нее не было ни настоящего, ни будущего; она вся принадлежала прошлому, где остались одни только могилы.

Не все ли равно ей было, Франческа или Мария, – они не заполняют в ее сердце места, которое принадлежало Альбиере. И она молча принялась за свое нескончаемое шитье.

Леонардо утешился скорее.

Когда после смерти мамы Альбиеры он пришел в первый раз к Тосканелли, учитель заметил, что мальчик рассеян.

– Что с тобой? – спросил он, отведя Леонардо в сторону. – Отчего ты все время пропадал?

Леонардо рассказал учителю про свое горе. Тосканелли несколько минут молча ходил по кабинету, задумчиво разглаживая длинную седую бороду.

– Да, – сказал он грустно и торжественно, – люди умирают, рождаются, любят, изменяют, дерутся и горюют... И все это так мелко, так скоропреходяще... И все это – пыль и тление... А там...

Он взял мальчика за руку и подвел к окну. На темном небе ярко-ярко горели крупные звезды.

– Там тысячи миров, – сказал Тосканелли каким-то новым голосом, густым и могучим, как голос пророка, – там тысячи миров, мальчик! На каждой из этих далеких звезд, быть может, копошатся миллиарды таких существ, как мы! Они тоже страдают, радуются, рождаются и умирают... И когда погибнут эти миры, явятся новые, и будут они сиять так же, как эти звезды в необъятном просторе вселенной... Что перед этим людские горести и радости, мальчик?

Леонардо поднял глаза на учителя, и он показался ему могучим и прекрасным, как сам Бог. Он посмотрел на звезды, и ему показалось, что все его горе и он сам – все это так ничтожно, мелко в сравнении с вселенной.

– Вселенная... – прошептал Леонардо с восторгом и страхом и зажмурил глаза.

Ему показалось, что он стоит на краю бездны, бесконечной, странной и прекрасной, наполненной огненными мирами, скачущими с невероятной быстротой, точно золотые мячики.

– Вселенная... – замороженно повторил он.

А в открытое окно смотрели ясные, кроткие звезды, веяло тихой ночной прохладой, и из ближнего сада слышалась сладкая песня соловья...

III. Новая жизнь

Настал день, в который Франческа Альфердини явилась хозяйкой в дом Винчи. В своем белом подвенечном наряде, с ясным взглядом больших наивных глаз она казалась совсем ребенком. Ей едва минуло пятнадцать лет, и она была ниже ростом, чем ее тринадцатилетний пасынок.

Франческа застенчиво улыбнулась Леонардо, и эта улыбка напомнила ему кроткую улыбку мадонн на статуях и картинах флорентийских мастеров. И Леонардо весело, дружески улыбнулся этой девочке-мачехе, такой милой и кроткой, как овечка. Какая-то странная тяжесть точно сразу спала с его сердца. И у бабушки Лючии лицо прояснилось.

Франческа понравилась решительно всем и даже старому коту Пеппо, любимцу покойной Альбиеры. Франческа любила петь и резвиться, как девочка. Она годилась в товарищи своему пасынку.

Через два дня она чувствовала себя в доме Винчи точно в своем родном доме, и бабушка Лючия со снисходительной улыбкой смотрела, как она носилась по всем комнатам взапуски с Леонардо. Задыхаясь от беготни и обернув свое разгоряченное лицо к мальчику, она говорила:

– Слушай, мой Леонардо, давай-ка меряться, кто выше: ты или твоя новая мама?

– А вы не становитесь на цыпочки! – смеялся Леонардо. – Ведь правда же, бабушка?

И когда она, утомленная и беготней и спором, усаживалась на кресло около начатого рукоделья, личико ее продолжало трепетать от легкой шаловливой улыбки.

– А ведь нам с тобой чудесно живется, Леонардо, – говорила она, – мы точно брат и сестра. Но только ты, пожалуйста, не забывайся и непременно зови меня мамой. Смотри, не выкинь какой-нибудь штуки в присутствии чужих, а то меня никто не станет уважать во Флоренции, и даже кот Пеппо отвернется от меня, – прибавила она, со смехом щекоча пальцем шею серому коту.

А когда у Винчи собирались гости, бедная Франческа пряталась, как улитка, в свою скорлупу и из кожи вон лезла, чтобы казаться строгой и взыскательной мачехой Леонардо. Раз мальчик по рассеянности забыл в присутствии деревенских приятелей отца, что с Франческой надо держаться «по-особенному», – она горько расплакалась, как маленькая девочка.

– Ты не жалеешь меня, гадкий мальчик! – говорила она, всхлипывая. – Ведь после этого меня все станут презирать: скажут, зачем этот Пьеро женился на глупенькой Франческе! А я этого-то больше всего боюсь, чтобы твой отец не пожалел, что на мне женился. Ах ты, злой мальчик!

Леонардо стало жалко, что он ее обидел; он попросил прощения; мир был заключен, и Франческа через минуту весело смеялась. Ее маленькая головка неспособна была долго помнить обиды.

Время шло... С некоторых пор синьор Винчи стал задумчив. Он вытащил свою большую расходную книгу и тщательно высчитывал в ней какой-то новый расход или приход. Наконец он что-то сообразил.

– Франческа, – сказал он жене, – дай мне мое новое платье.

Он не любил много говорить, и Франческа молча послушно принесла ему новый костюм.

Через несколько часов Пьеро широко зашагал по площади Сан-Фирензе по направлению к дому своего друга, художника Андреа ди Микеле дель Чони, прозванного Верроккьо. Это был известный флорентийский художник.

Верроккьо, взобравшись на стол и вооружившись муштабелем¹, энергично объяснял что-то своим многочисленным ученикам, указывая на верхнюю часть большой неоконченной картины. Тут и там на мольбертах виднелись начатые и уже оконченные его произведения, копии с них, работы учеников. В мастерской царил ужасный беспорядок: всюду были нагромождены подставки, мольберты, лесенки, глиняные бюсты, деревянные модели, валялась кожа от печеных каштанов, которые любили уплетать между делом ученики. Они старательно выписывали на большой картине Верроккьо второстепенные предметы: участие в картине учителя было в то время распространено между художниками. Вся жизнь учеников и учителя проходила рядом, вместе, бок о бок, и это сказывалось во взаимных отношениях. Ученики составляли семью художника. Художник заботился не только об их познаниях в искусстве, но и о пище и одежде.

– Эй, Боттичелли! – кричал Верроккьо, заметив среди горячего объяснения рваные башмаки на своем ученике. – Чего ж ты мне давно не скажешь, что тебе нужны новые! А ты, – говорил он, обращаясь к рыжему и невзрачному мальчику, – отчего так неаккуратно метешь мастерскую? Просто срам с вами!

Ученики убирали мастерскую Верроккьо, скорее похожую на плохонькую лавчонку, чем на храм искусства, состояли при нем на побегушках, помогали в хозяйстве и за это получали частенько пинки. Зато они ели и спали бок о бок с хозяином, участвовали в его семейных праздниках, давали ему советы, принимали на свой счет его славу и успехи. Одним словом, они составляли одно неразрывное целое с мастером. И если какому-нибудь забияке приходило в голову умалить славу учителя, каждый из учеников считал своим долгом вступить, часто рискуя для этого жизнью. Несколько позже описываемого времени ученики знаменитого художника Рафаэля решили убить одного дерзкого римлянина за то, что тот непочтительно отозвался об их учителе.

В мастерских юноши получали самое разностороннее художественное образование. Художник должен был совместить в себе решительно все: и живописца, и скульптора, и резчика, и ювелира, и литейщика. Всему этому мастер обучал поступающих к нему учеников.

Когда Пьеро да Винчи вошел в мастерскую Верроккьо, его оглушил смешанный гул голосов. Художник, не обращая внимания на гостя, продолжал размахивать своим муштабелем и горячиться. Винчи ударил в нос тот особенный приятный запах краски, глины и скипидара, который всегда стоит в мастерских художников.

– Привет благородному моему другу, синьору Пьеро да Винчи, – сказал наконец Верроккьо, отирая крупные капли пота, струившиеся с его разгоряченного лба. – Какая счастливая судьба привела его милость в мое скромное жилище?

– Об этой счастливой судьбе мне придется с тобой потолковать, Андреа, – отвечал нотариус, обнажая два ряда белых, как фарфор, зубов.

¹ Муштабель – палочка с шишечкой на конце для поддержки руки во время работы художника. – Здесь и далее примеч. авт

Верроккьо посмотрел на свои перепачканные в краске руки и, оглянувшись по сторонам, не нашел места, где бы мог усадить гостя: все было завалено картинами, папками, кистями, палитрами, ящиками с красками.

– Пойдем, друг, наверх и потолкуем на свободе, – сказал Верроккьо, указывая жестом на витую лестницу, по которой они и поднялись на половину художника.

Здесь на столе появилось неизменное вино, которое должно было развязать язык гостю.

Нотариус развернул сверток картона: в нем были рисунки Леонардо. Он нес их по улице так бережно, как будто они были сделаны из паутины, и теперь с гордостью разложил их перед Верроккьо, хотя сам не много понимал в искусстве. Он немножко струсил за своего кумира Леонардо, когда заметил, что художник медлит с ответом.

Рисунок Леонардо да Винчи

– Видишь ли, – начал нотариус, точно извиняясь, – мальчуган-то того... не то чтобы он дурно учился, но он непоседлив, как кукушка, хе-хе-хе... и из него не выйдет мне преемника. У него только пение, рисование да эта астрология на уме. Я вот и подумал, что не худо бы... того... отдать его к тебе на выучку. А ведь недурны рисунки, и у мальчика, кажется, есть способности к этому делу?

Произнеся эту небольшую речь, синьор Винчи пыхтя отер лоб: он был не особенно-то красноречив и хотел поскорее покончить с делом.

От нотариуса не укрылась краска, выступившая на лице Верроккьо, и он с радостью увидел, что рисунки сына произвели на его друга сильное впечатление. Но глаза художника так же быстро потухли: у него положительно не было места в мастерской. После долгого и глубокого размышления он сказал Винчи:

– У меня нет никакой возможности взять еще ученика, Пьеро, но все-таки я возьму твоего сына. Мне кажется, это лучший отзыв о его рисунках.

Довольный нотариус поднялся и с особенным чувством пожал протянутую руку друга.

В тот же день он привел к Верроккьо сына. Взглянув на изящную, точно выточенную фигуру мальчика, Верроккьо невольно, как художник, пришел от нее в восторг.

– Твои рисунки доказывают большую наблюдательность, – сказал Верроккьо мягко, – и я охотно возьму тебя в ученики, если ты этого хочешь.

– Да, – отвечал мальчик, прямо и открыто глядя на художника, – и мне кажется, мессер, что в этом деле я оказал бы больше успехов, чем будучи помощником моего отца.

Ответ мальчика был исполнен достоинства. Он говорил со знаменитым художником как равный, без тени страха или унижения.

– В таком случае ты останешься у меня. Переговори с отцом и перебирайся хоть завтра.

Леонардо молча почтительно поклонился и вышел из мастерской. На лице его играла спокойная и счастливая улыбка...

Верроккьо пользовался хорошей репутацией между жителями Флоренции. Всем была известна его честность, его трогательное, почти отеческое отношение к ученикам. Он журил их, как своих детей, радовался их успехам, горевал об их печалях, заботился об их одежде и пище... В свободное время Верроккьо любил шутить с ними, и в эти часы его мастерская дрожала от приливов веселого молодого смеха, но зато в часы работы Верроккьо был строг и требователен.

Верроккьо занимал почетное место между флорентийскими художниками. Впрочем, он был более ваятель, чем живописец. Даже фигуры на его картинах кажутся как бы вылитыми из бронзы, написаны с большой точностью, тело хорошо передано, но несколько сухо; обращено особенное внимание на анатомические подробности. Последняя работа Верроккьо – конная бронзовая статуя предводителя венецианского войска Бартоломео Колонны, поставленная на площади в Венеции, покрыла имя Верроккьо громкой неувыдаемой славой.

Италия того времени еще не освободилась от взгляда средних веков, когда в верном изображении природы усматривали нечто греховное, когда содержанием картин служили исключительно сцены из Священного Писания. Даже выдающиеся художники этого времени изображали Христа, Богородицу и святых не иначе, как в виде каких-то бестелесных созданий, с мертвенными лицами и в неестественных позах. Всякое напоминание о верном изображении природы казалось чуть ли не святотатством. Италия только что начала освобождаться от этих условных правил, достояния суровых средних веков.

Верроккьо не пошел по пути своих предшественников. Он указывал ученикам, что одного добросовестного тру да мало для художника и прежде всего нужно наблюдать природу, учиться понимать ее.

– Чтобы написать верно человеческое тело, – говорил он горячо и убедительно своим ученикам, – надо прежде всего изучить его во всех его особенностях. Не зная анатомии, трудно найти верное соотношение между отдельными частями.

В этой области Верроккьо знал больше, чем многие из его современников.

– Нарисуй скелет, – убежденно гремел в мастерской его вдохновенный голос, – покрой его мускулами и жилами и тогда только облекай кожей.

И увлекаясь этой жизненной правдой, художник нарисовал своего удивительного по верности природе Иоанна Крестителя. Особенно поразительна в этой картине рука пророка, с ее жилами и сухожилиями, ясно видными сквозь кожу. Это действительно рука сурового отшельника, проводящего в пустыне целые месяцы, страшная, искалеченная, ободранная от сурового труда.

«Ведь из этого источника, – говорил о Верроккьо современный ему поэт У голино Верино, – многие живописцы почерпнули все свое уменье. Почти все, чья слава теперь гремит, были обучены в школе Верроккьо».

В мастерской знаменитого художника время летело с невероятной быстротой. Леонардо да Винчи работал с жаром под руководством учителя. Он не жалел о том, что покинул семью. Среди новой художественной семьи, связанной неразрывно и тесно одним общим интересом, он чувствовал себя как нельзя лучше.

Мама Франческа всплакнула о верном товарище ее ребяческих шалостей, но Леонардо, прощаясь, утешал ее покровительственным тоном взрослого человека:

– Тебе вовсе не о чем плакать, мама Франческа. Ты должна понять, что есть высшие интересы, ради которых бросают все, что нам дорого. А впрочем, успокойся: у меня будут отпуски, и ни одного из них я не пропущу!

Бабушка Лючия грустным взглядом потухающих глаз проводила внука, когда он оставлял родной дом: она чувствовала, что близок закат ее жизни, и, равнодушная ко всему, безучастно отнеслась к судьбе Леонардо.

Среди учеников Верроккьо было много даровитых юношей, которые сплотились вокруг нового товарища. Но самыми близкими из них были для Леонардо Лоренцо ди Креди и Перуджино. Лоренцо, на несколько лет моложе Леонардо, был так мал и жалок, что сын нотариуса сразу решил взять его под свое покровительство. Он заменил Креди мать, сестру, няньку.

Когда зимой Верроккьо посылал Креди в лавку за лаком или краской и мальчик уныло смотрел в окно, за которым свистел ветер, Леонардо всегда незаметно старался ускользнуть на улицу и исполнить за Креди поручение хозяина. Он поправлял рисунки Креди, ухаживал за ним, когда тот был болен, и не раз приводил к его постели знаменитого Тосканелли. Как самая нежная и заботливая мать, утешал Леонардо мальчика в его детских горестях, и Креди платил Леонардо тайной восторженной привязанностью. Он даже во всем подражал сыну нотариуса.

– Креди! – кричал со смехом кто-нибудь из товарищей. – А ведь ты не так надел свою шапочку, как Леонардо! Подвинь ее чуть-чуть влево!

И Креди, краснея до корня волос, надвигал свою шапочку набок.

– Креди! – кричал другой товарищ. – Ты сошел с ума! Сидеть спокойно, когда Леонардо лежит на улице у дома Томазо Аньоло и стонет от боли... Он умирает, Креди, твой Леонардо.

И Креди, бледный как полотно, с лицом, искаженным от внутренней боли, бежал на улицу, чтобы помочь своему боготворимому Леонардо. А шутники, выдумавшие эту нелепицу, хохотали до слез.

– Креди, – сказал кто-то раз, – колдунья объяснила Леонардо, что он умрет, если его лучший друг не согласится пожертвовать для него своею правой рукой. Дашь ли ты отрубить себе руку, чтобы спасти Леонардо, Креди?

И Креди поднимал свои добрые, правдивые глаза и страстно говорил:

– Да разве можно об этом спрашивать, раз это нужно для Леонардо?

Другие отношения сложились у Леонардо с молодым талантливым Алессандро Филиппи, прозванным впоследствии Сандро Боттичелли. Он был учеником фра Филиппо Липпи, но часто приходил в мастерскую Верроккьо. Сандро Боттичелли был гораздо старше Леонардо. Его сильная рука, как рука титана, смело, уверенно работала кистью. У же тогда он увлекался Данте, глубоко задумываясь над его могучей поэмой; уже тогда в его душе жили образы, напоминавшие дантовский рай и ад, и он пробовал перенести их на бумагу. Впоследствии этот художник выпустил сочинения любимого поэта с гравюрами собственной работы. И вся фигура Боттичелли, задумчивая, таинственная, погруженная в созерцание дивных красот, невидимых никем, была проникнута гордым превосходством над обыкновенными смертными.

Леонардо скоро привязался к старшему товарищу. Иногда он спорил с ним, но спорил мягко, стараясь доказать правоту своего взгляда, и часто Боттичелли приходилось соглашаться с Леонардо.

Третий друг был Пьетро Ваннуччи, прозванный впоследствии Перуджино. Пьетро был старше Леонардо, но сын нотариуса чувствовал свое превосходство над ним.

– Друг мой Пьетро, – говорил часто горестно Леонардо, видя, как старательно трудится Ваннуччи над маленьким наброском, – где у тебя глаза? Здесь ведь надо усилить тени, а здесь дать побольше света! Смотри, как у тебя все бледно и однотонно...

И Леонардо уверенной рукой поправлял работу товарища. Он точно играл кистью.

Маленький Креди был теперь на ответственности каждого из этих трех юношей: его опекали и Леонардо, и Сандро, и Пьетро Ваннуччи, «патриарх», как прозвали его в мастерской Верроккьо за лета и сосредоточенное выражение лица.

Верроккьо с самого первого дня поступления к нему Леонардо присматривался к мальчику с любопытством, смешанным со страхом.

Рисунок Леонардо да Винчи

Его радовал и пугал этот ребенок, так богато одаренный природой. Художник ясно видел, что через несколько лет взойдет новая звезда, звезда Леонардо, и она затмит его славу. Но он никогда не унижался до постыдной зависти. С грустной нежностью старался он стать как можно ближе к этому странному мальчику, доброму, любящему и в то же время гордому и своевольному. Когда в мастерской ученики Верроккьо выслушивали его советы и объяснения с выражением наивного восторга, один только Леонардо, смотря прямо и открыто в глаза учителю, взвешивал и анализировал каждую его фразу; только он один позволял себе высказывать замечания по поводу недостатков в картинах учителя. Но этот же самый беспристрастный, строгий судья являлся самой нежной сиделкой у постели больного учителя, и малейшая тень, омрачавшая лицо Верроккьо, вызывала в нем глубокую муку и участие.

В минуту душевной тоски, находившей на Верроккьо, когда ему не удавался какой-нибудь замысел, Леонардо молча подкрадывался в комнату учителя и садился в уголке, принимая трогательную позу немого сострадания. Верроккьо иногда по целым часам оставался неподвижным, сжав голову обеими руками и мрачно глядя в одну точку, и Леонардо также сидел неподвижно в своем уголке.

– Это ты, мой Леонардо? – говорил, наконец, учитель усталым голосом. – Ты здесь. Это хорошо. Сегодня твой учитель разбит... Сегодня, – шептали с горечью после минутного молчания губы художника, – ты видишь, как твой учитель изнывает от припадка тоски и отчаяния. Здесь, – указывал он безнадежно на свою голову – так пусто! Ничего, ничего не могу создать! А здесь, в груди, так больно и так страшно холодно... У тебя вся будущность впереди, мой Леонардо. Что ожидает тебя? Быть может, громкая слава, шумный успех... Налей мне вина,

мальчик; в горле так сухо! Неужели я уже истратил все свои силы и от меня ничего не осталось, Леонардо?

Тогда звучал ровный, спокойный голос Леонардо. Он вспоминал все заслуги учителя. Он напоминал ему лучшие минуты его творчества, те минуты, которые так дороги художникам... И под влиянием этих воспоминаний лицо Верроккьо прояснялось, а глубокие горькие складки около рта разглаживались. Это был вновь тот же добрый, ясный и бодрый учитель, и снова в его сердце теплилась вера в свои силы и в будущее.

Он брал в руки заветную арфу, на которой так чудесно играл, и в тоскующих, нежных аккордах изливал все, что накипело у него на сердце. Задумавшись, слушал сладкие звуки Леонардо, а когда учитель оставлял инструмент, он подходил к нему и тонкой рукой проводил по золотым струнам. Арфа пела; комната с низкими сводами наполнялась дивной гармонией импровизации юного музыканта. Ученики бросали кисти; любопытные лица высовывались в отверстие двери, ведущей на лестницу. Растроганный Верроккьо горячо обнимал ученика, видя, что между ним и Леонардо есть еще тонкая и крепкая связь – музыка.

И когда Леонардо спускался вниз из комнаты Верроккьо, в груди его росло какое-то неведомое смешанное и сладкое чувство любви, нежности, жалости и уважения к учителю, который сейчас плакал у него на плече, точно это был больной, страдающий ребенок.

Виламброзские монахи заказали Верроккьо для своей обители картину «Крещение Господне». Художник горячо принялся за работу. С раннего утра и до вечера трудился он над картиной, забывая о сне, о еде, об отдыхе... И вот на полотне явился Христос и Иоанн. Верроккьо задумал написать еще двух ангелов, благоговейно созерцающих великое событие. Но у него ничего не выходило.

– Здесь нет образов, – говорил он Леонардо, показывая на свою голову.

И он не мог написать две детские фигурки... Наконец, после долгой мучительной работы явился на картине херувим – детская фигурка с некрасивым толстым носиком, приподнятыми бровями, глуповатыми глазами, тарелкообразным грубым сиянием и в грубо намалеванной одежде. Это было последнее напряжение сил, которых не хватило, чтобы создать другого ангела. На месте его осталось белое пятно. С гневной тоской бросил Верроккьо кисти и хотел пробить ножом картину. Но полудетская рука с силой удержала его.

– Вы нездоровы, маэстро, – произнес знакомый спокойный голос, – сегодня все равно у вас ничего не выйдет. Отдохните немного: ведь эти две фигуры, Христос и Иоанн, очень хороши. Отдохните, маэстро! – настойчиво повторил Леонардо.

И Верроккьо, покорный этому голосу, тяжелыми шагами поднялся по витой лесенке к себе наверх.

Леонардо остался около картины один. Долго вглядывался он в лица Христа и Иоанна, и странная неопределенная улыбка играла на его губах. И вот глаза его вспыхнули, и легкая краска покрыла бледное лицо. Он лихорадочно схватил палитру и кисть и уверенно стал наносить ею мазки на то место, где оставалось белое пятно.

– Что ты делаешь, Леонардо? – раздался за его спиной испуганный голос Креди. – Разве учитель...

– Молчи! – сказал ему строго, почти торжественно Леонардо. – Ты увидишь, как он сейчас будет молиться...

И вот на месте белого пятна мало-помалу стал вырисовываться контур коленопреклоненного ангела. Его мечтательный и серьезный взгляд, казалось, понимал всю важность и значение происходящего. Кудрявая головка окружена, точно дымкой, тонким прозрачным сиянием, одежда лежит красивыми, вполне естественными складкам².

² Картина эта находится теперь в Флорентийской академии художеств.

И Креди, счастливый и гордый за Леонардо, закричал в наивном восторге:

– О пресвятой Себастьян, да ведь ты, Леонардо, сделал его лучше, чем сам учитель!

В ту же минуту на лестнице показалась сгорбленная фигура Верроккьо. Тяжело ступая, он спустился вниз и остановился, как окаменелый.

– Кто это сделал? Ты? – прошептал Верроккьо медленно, растягивая слова.

– Я, учитель, – спокойно отвечал Леонардо, вытирая перепачканные красками руки. –

Но если это плохо, вы можете...

– Плохо!? – горячо возразил Верроккьо. – Если ты, почти не учившись, сразу превзошел меня, возьми мою палитру, а я возьмусь за резец!

В этих словах слышна была и гордость за Леонардо и глубокая грусть за себя. Но Верроккьо подавил тяжелое чувство и от всего сердца обнял ученика.

И Леонардо продолжал усердно трудиться под руководством Верроккьо. Кроме Верроккьо на него имели в это время влияние два даровитых учителя – Лука делла Роббиа, прославившийся прекрасными работами на фарфоре, и знаменитый скульптор Сеттиньяно.

Годы шли, и Леонардо превратился в стройного юношу. Незаметно подкрался срок, когда он должен был оставить мастерскую Верроккьо. Леонардо минуло двадцать лет. Наконец он получил звание «мастера».

IV. Юный художник

Ученики Верроккьо собрались в таверне, чтобы торжественно отпраздновать радостный день, в который многие из них стали самостоятельными художниками.

Весело было в таверне. Звон кубков со сладким хиосским вином, которые то и дело наполнял хозяин кабака, добродушный толстяк Томазо, заглушали молодые голоса. Они пели песнь школьников:

Как вино, я песнь люблю
И латинских граций,
Если ж пью, то и пою
Лучше, чем Гораций!

А с улицы доносился чинный смех флорентиек, шедших домой из церкви...

Облокотясь о стол, задумчивый и грустный сидел Леонардо да Винчи. Он не притрагивался к своему наполненному до краев кубку Его благородное, изящное лицо было очень бледно; темно-серые живые и пронзительные глаза опущены, гордые брови нахмурены. Тонкая насмешливая и печальная улыбка слегка шевелила его губы. Прекрасная, точно выточенная рука нервно барабанила по столу. Порой из груди юноши вырывался тяжелый вздох. Тогда он поднимал опущенные веки и смотрел на неподвижную фигуру учителя, сидевшего напротив в тяжелом раздумье.

«Все уходят от меня, – думал грустно Верроккьо, – все вступают в жизнь, а я, привязавшийся к ним всей душой, должен отпускать их и еще радоваться... Придут новые ученики, и опять уйдут они, и опять новые... И каждый из этих детей, уходя, уносит с собою часть моего сердца... И Леонардо мой с ними...»

Леонардо не замечал шуток и хохота товарищей, не замечал и ласковых взглядов флорентийских красавиц, проходивших мимо таверны. Еще вчера он так весело шутил и отплясывал с ними на лугу... Но тогда учитель не был так печален... А ведь многие из этих девушек отдали бы полжизни за то, чтобы сделаться женой красавца Леонардо...

Весело звенели кубки с вином; весело смеялась молодежь, выпущенная на волю, на простор широкого жизненного пути, а Леонардо и Верроккьо думали свои одинокие думы.

Наконец грустные глаза учителя встретились с тазами ученика, и они поняли друг друга. Стройная, горделивая фигура Леонардо выпрямилась; он подошел к Верроккьо и сказал тихо, смотря, как всегда, прямо ему в глаза:

– Если соблаговолит маэстро, я останусь у него еще на несколько лет...

Убитое лицо Верроккьо внезапно просветлело, точно его озарил солнечный луч. Он вскинул удивленные и торжествующие глаза на ученика и голосом, полным любви и благодарности, прошептал:

– Да, сын мой, ты ведь знаешь, как я этого хочу и как для меня это важно...

И художник улыбнулся Леонардо... Леонардо, еще так недавно мечтавший о своей собственной мастерской, о свободном творчестве и самостоятельной жизни, почувствовал, как у него невольно сжалось сердце при мысли, что еще на несколько лет придется отложить заветную мечту. Но Верроккьо уже наполнил свой кубок и протягивал его Леонардо с радостной и благодарной улыбкой.

– За твое здоровье, мой Леонардо!

Они чокнулись...

А в раскрытое окно смотрело ясное небо, синее как сапфир. Белоснежный голубь, кружась, опустился на подоконник.

– Вестник мира, любви и кротости! – сказал загадочно Леонардо и показал Верроккьо на голубя.

И вот юный Винчи по-прежнему остался подле своего учителя. Из мастерской выбыли уже Сандро Боттичелли, потом Ваннуччи. Только Креди оставался. Он по-прежнему любил Леонардо, но как-то отдалился от него; Креди перестал его понимать. Для его восторженного, еще ребяческого ума была непостижимой эта сложная, глубокая натура. И часто следил он грустными глазами за своим бывшим кумиром и думал:

«Чего ему надо? Что ищет он вечно, неугомный? О чем так часто думает мучительно, и отчего в эти минуты лицо его делается таким строгим и мрачным?»

И не одному Креди казался странным Леонардо.

Иногда он становился вдруг непонятно, безумно весел.

– Эй, друзья! – кричал он в такие минуты. – Сегодня чудесный вечер! Стыдно сидеть в такую погоду в своих норах, точно мы кроты. Посмотри, Креди, в окно: видишь, как горят огни в палаццо Пацци? Замок иллюминирован. Он весь так и светится, разноцветный и яркий... Сегодня день рождения благородной синьоры Бианки Пацци. Смотри: еще огни. Ну, я иду. Кто со мной?

И глаза его метали искры, а нервная походка показывала страстное нетерпение.

Быстрыми шагами он направляется к фантастическому замку Пацци, на ходу поправляя свою мягкую суконную шляпу и темный плащ. За ним следуют неизменные друзья и в числе их Креди.

Двор палаццо украшен цветами, запружен толпой в ярких праздничных одеждах. Леонардо смешивается с этой толпой. Глаза его блестят при виде танцев, которые устроила молодежь под серебристый звон лютней. И гибкая фигура Леонардо с неподражаемой грацией выступает между кружащимися парами, и нет ему равного в танцах.

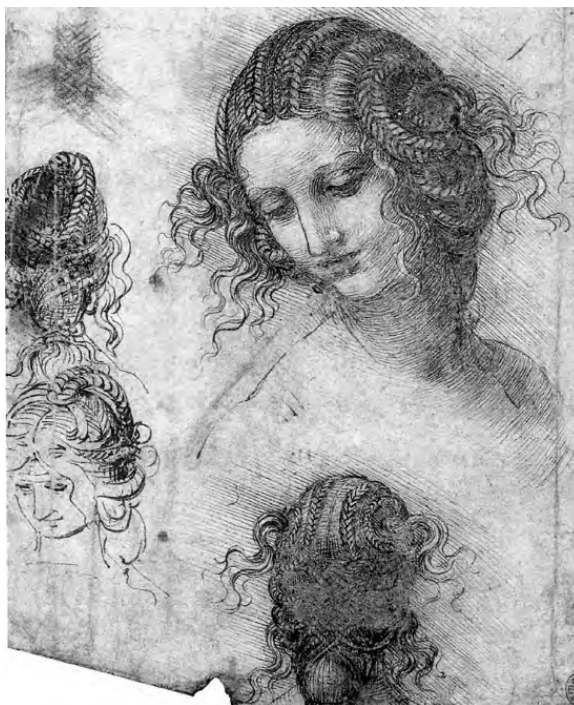

Рисунок Леонардо да Винчи

Ему рукоплещут. Сама Бианка Пацци кидает ему розы, украшающие ее нежную шею. Но вот уже и лютня в руках Леонардо, вот уже сильным и звонким голосом начинает он радостную, торжественную песнь.

А ночь так хороша со своим блистающим звездным шатром... И еще ярче звезд блещут ласковые и веселые глаза флорентийских девушек...

Торжествующий, засыпанный цветами бредет Леонардо домой, тихо побрякивая лютней. Из окон многих домов выглядывают хорошенькие головки синьор. Но теперь они не узнают своего ловкого и любезного кавалера: перед ними совсем другой человек. Глаза Леонардо как-то сразу потухли, взгляд сделался холодным, загадочным, и обычная грустно-насмешливая улыбка играет на губах. Ничто не в состоянии вывести его из глубокого раздумья...

Любил юноша по целым часам носиться на лошади, подставляя разгоряченное лицо ветру, и тогда было что-то гордое, страстное и дикое во всей его фигуре.

Станным казался этот юный художник. Чувствовалось в нем что-то могучее и неразгаданное... Без всякого усилия гнул он лошадиные подковы, скручивал языки колоколов, на всем скаку железной рукой останавливал бешеную лошадь, и эта же самая рука, изящнее которой не было ни у кого во Флоренции, искусно и легко пробегала по струнам арфы. Он даже писал совсем особенно, не так, как все: писал на манер восточных народов, от правой руки к левой. Любил Леонардо смешиваться на городских площадях с праздничной толпой и всюду высматривал, не найдется ли какого-нибудь интересного лица. И тогда верный Креди не мог его дозваться. Придерживая рукою свою неизменную записную книжечку, засунутую за пояс, Леонардо зорко следил за намеченной жертвой, чтобы запечатлеть в уме интересующий его тип. Креди звал его все настойчивее, а Леонардо не слушал и делал ему таинственные знаки. Но вот жертва художественной охоты Леонардо останавливалась, заметив пристальный взгляд странного юноши. А Леонардо тут как тут. Он вежливо снимает шляпу и любезно говорит:

– Синьор, вероятно, не обидится, если скромный ученик мессера Верроккьо позволит себе пригласить его распить по стаканчику доброго вина?

Итальянцы – люди общительные, и когда незнакомец соглашается зайти в ближайший кабачок, Леонардо за стаканом вина вытаскивает из-за пояса свою записную книжку и быстро набрасывает в ней интересующий его тип.

– Доброго вечера синьору! – говорит он потом, вежливо приподнимая шляпу, и небрежно кидает на стол монету. – Креди, я к твоим услугам!

Иногда художественная охота была особенно счастлива. Между торговками и торговцами попадалось сразу несколько любопытных лиц. Тогда Леонардо приглашал всех их в таверну и угощал на славу. Глядя пристально на эти забавные лица, он думал о том, что не худо бы было вызвать у них смех, неудержимый смех, граничащий с безумием. И вот глаза его шурились, принимая лукавое выражение, и вся фигура дышала чем-то таинственным.

Он начинал рассказывать им небылицы, одну забавнее другой, и видел, как крестьяне корчатся от смеха. Тогда он удваивал порцию. Под эти уморительные небывальщины один из наивных слушателей покатывался со смеху, другой лежал в бессилии на лавке и только стонал, а третий заливался, показывая два ряда белых, как слоновая кость, зубов. И записная книжка наполнялась хохочущими фигурами.

Но это еще не все. Нужно было посмотреть, как на уродливых, смешных и наивных лицах выразится чувство страха. Леонардо вытягивал шею, и его блестящие и выразительные глаза расширялись в немом ужасе. И он видел, как моментально сбегал смех с лиц его слушателей.

– Эй, Тибо! – кричал вдруг Леонардо с неподдельным ужасом одному из своих новых приятелей. – Ты только посмотри, брат, что за гадость я нашел у тебя на спине.

Тибо вскакивал в ужасе и косился на необычайное животное, которое какими-то странными движениями ползло по столу. Леонардо сам сделал его из воска и наполнил ртутью, которая и приводила странного зверька в движение.

– А это что, ай, ай! – вскрикивал Леонардо, отскакивая от стола, на котором шевелилось что-то огромное, похожее на гигантского червя или змею.

То были простые птички внутренности, которые Леонардо сам наполнил воздухом. Они принимали чудовищные размеры и, казалось, готовы были занять всю комнату. Простоватые зрители во главе с трактирщиком с невыразимым ужасом разлетались во все стороны, пятились к дверям и, наконец, пускались вон без оглядки. А записная книжка была испещрена искаженными страхом и отчаянием лицами.

Альбомы Леонардо без конца наполнялись этюдами людей и животных во всевозможных положениях, и между ними особенно часто встречались женские головки. Это были его первые шаги к длинной веренице божественных мадонн. Изучая природу, наблюдая эффекты света и тени, Леонардо убедился, что в природе почти нет резко ограниченных линий, и вместо них он пользовался переливами и полутенями.

«Переход от света к тени, – говорил Леонардо, – подобен дыму».

Когда являлся недостаток в живой натуре, юный художник прибегал к искусственным моделям. Он сам их лепил из глины или гипса, и таким образом у него рядом с живописью шла скульптура. И он был первый из художников всего мира, который постиг в совершенстве искусство распределения света и тени.

Леонардо имел большую склонность к юмору.

«Изображая смешное, – говорил он, – надо заставить смеяться даже мертвецов».

Но настоящим призванием Леонардо должны были стать исторические картины, содержание которых он, согласно духу того времени, черпал из священной истории Ветхого и Нового Завета.

Как-то Леонардо получил заказ из Фландрии нарисовать картон-модель для фландрских ткачей, которые готовили португальскому королю шелковый золототканый занавес.

Юный художник с увлечением принялся за работу. Он изобразил Адама и Еву в момент грехопадения. Вокруг первых людей на лугу было множество разнообразных животных,

тысячи дивных, причудливых цветов. И листья, и цветы, и животные были изображены Леонардо с необыкновенной точностью. Особенно поражала в этом отношении пальма, которой он придал удивительную гибкость, благодаря у дачному расположению и совершенной гармонии кривизны ее листьев. Подобного совершенства не достигал до него никто из художников. К сожалению, этот картон потерян. Впечатление достигалось не поверхностной передачей формы, изображением ее в общих чертах; дерево было изучено ученым и прочувствовано художником. Уже тогда ученый проявлялся в художнике; уже тогда обнаруживалась чудесная гармония противоположных способностей, которые проявились так ярко впоследствии в Леонардо. Сложность творений природы не пугала его. Он хочет выразаться, как она, говорить ее языком с точностью, воспроизводящей все ее элементы. Его цель – путем изучения строения пальмы дать почувствовать всю ее гибкость и грациозность.

К этому же периоду относятся написанные Леонардо два «Благовещения», одно из которых находится в музее Лувра, другое – во Флоренции.

Первое его «Благовещение» дышит непринужденной естественностью. Ни богато убранной комнаты, как обыкновенно изображали это все художники, ни голубя – Святого Духа, ни облаков на верху картины – ничего этого нет в его «Благовещении». Святая Дева принимает благую весть под открытым небом, у входа на террасу. Кругом нее – чудный день, цветущие лилии, веселый пейзаж, живописные группы деревьев, река, окаймленная холмами. Богоматерь на коленях благоговейно и смущенно слушает радостно улыбающегося ангела... Во всей ее фигуре разлито смирение, кротость и скромность... Второе «Благовещение», находящееся во Флоренции, еще лучше. Изображенный на картине ангел задумчив и серьезен, а Мадонна с радостью и удивлением слушает непонятные слова. На этой картине все, начиная со складок одежды Богоматери до столика, на котором лежит раскрытая книга, – совершенство художественной отделки...

Синьор Пьеро да Винчи в это время снова жил в своей родной деревне. Слава маленького сына нотариуса, ставшего теперь выдающимся художником во Флоренции, достигла до скромных обитателей Винчи. Они гордились своим Леонардо... Раз нотариус собирался по делам во Флоренцию и велел Франческа распорядиться, чтобы оседлали мула. Он уже давно не виделся с сыном и хотел навестить кстати и старого друга Верроккьо.

– Мой Пьеро, – сказала, появляясь в дверях, Франческа, – Джованни, рыболов, хочет тебя видеть. Он принес тебе какую-то доску.

– Впусти его, Франческа.

Вошел рыболов и охотник Джованни, старый приятель синьора Пьеро, помогавший ему постоянно ловить рыбу и загонять дичь. Он держал под мышкой круглый, тщательно вырезанный щит из фигового дерева.

– Что скажешь, друг? – спросил Винчи.

Усиленно кланяясь, крестьянин попросил мессера нотариуса оказать божескую милость, свезти во Флоренцию к молодому мессеру Леонардо доску и попросить намалевать на ней что-нибудь этакое... удивительное... для вывески в лавочку.

Пьеро охотно согласился и повез щит во Флоренцию.

Он не сказал сыну, для чего и кому нужен его труд, и просил только нарисовать на доске что-нибудь особенное.

Синьор Пьеро уехал домой, а Леонардо принялся обдумывать новую задачу. Молодой художник, любивший во всем совершенную отделку, отдал дерево токарю, чтобы выровнять и отполировать его. То, что он изобразил на щите, было необычайно. Он задумал написать на нем нечто такое, чудовищность чего превзошла бы Медузу³ древних. И вот, верный своему

³ Медуза – в древнегреческой мифологии одна из трех Горгон, сестер-страшилищ; вместо волос на голове у Медузы вились

правилу точно следовать природе, Леонардо стал старательно собирать всякого рода чудовищных и странных животных. Попали к нему кузнечик и саранча, летучая мышь и змея, бабочка и ящерица. Все это он расположил таким своеобразным и остроумным способом, что составил из них ужасное чудовище, выползающее из мрачной трещины скалы. Казалось, что дыхание этого чудовища заражало и воспламеняло воздух; черный яд вытекал из его пасти; глаза метали искры; дым клубился, выходя из широко раскрытых ноздрей. Ужасный смрад разлагающихся животных наполнял маленькую комнатку, в которой работал одиноко и упорно Леонардо. Но это не ослабляло его нечеловеческой энергии, и он, как влюбленный в свое страшное чудовище, придумывал для него все более ужасный образ.

Наконец работа была окончена. Леонардо написал об этом отцу.

В одно утро в комнату Леонардо кто-то постучал.

– Это я, мой Леонардо, – послышался знакомый голос нотариуса.

– Сейчас, отец, – торопливо крикнул Леонардо, – одну минуту. Картинку надо поставить на подставку – будет, пожалуй, виднее. Так... Ну, теперь входи.

Леонардо придвинул щит ближе к окну, и яркие лучи утреннего солнца осветили его во всей поражающей чудовищности.

– Смотри! – сказал Леонардо отцу отходя от картины с выражением торжества.

Он вполне достиг того, чего хотел. Ужасное чудовище смотрело на синьора Винчи, освещенное ослепительным светом солнца.

Лицо нотариуса покрылось мертвенной бледностью; глаза остановились в немом ужасе, и, забыв, что это – только картина, он начал креститься и пятиться к дверям, а потом изо всей силы пустился бежать по улице. На повороте его остановила чья-то сильная рука, и молодой смеющийся голос произнес:

– О отец, я не знал, что так напугаю тебя... Прости, но я достиг, чего хотел: она возбуждает ужас. Успокойся же: ведь это только картина, не более. Вернемся ко мне за нею: ты же сам заказал мне ее.

Синьор Пьеро, вытирая пот, обильно катившийся с его лба, пошел за сыном и, вместо ужаса, почувствовал восхищение перед дарованием юноши.

– Да, но ведь не могу же я от дать ее этому простофиле Джованни?.. Ну, ладно, – проговорил он через минуту, лукаво улыбаясь, – так я и отдам ему! Найду что-нибудь другое!

И нотариус купил в лавчонке старьевщика другую вывеску: на ней было изображено пылающее сердце, пронзенное стрелой. Джованни остался очень доволен этим подарком.

– Эх, ваша милость, – сказал он с чувством, любясь вывеской, – и это работал наш маленький синьор Леонардо! Сейчас видно мастера: ишь как намалевал и стрелу и сердце! Недаром я всегда говорил, что из мальчика выйдет прок!

А страшное чудовище молодого художника в это время было уже продано нотариусом флорентийским купцам за 100 дукатов. Впрочем, купцы не остались в убытке, перепродав скоро картину миланскому герцогу втрое дороже.

V. Предложение Лоренцо Великолепного

Сумрак вечера надвигался. Леонардо сидел в мастерской учителя, погруженный в глубокую думу. Боттичелли читал ему книгу, и голос его звучал вдохновенно и страстно. Леонардо смотрел пристально, не отрываясь, в одну точку, и, когда Боттичелли опустил книгу, он не переменил позы.

– Я вижу Беатриче, – сказал он как-то странно, загадочно, – вот она, Сандро! Вот это неземное блаженное существо дантовского рая!

И Леонардо торопливо набросал рисунок на бумаге. Из-под его угля выходило странное существо, но замечательнее всего в этом существе были глаза, далеко отставленные друг от друга, с мечтательным неземным взглядом...

– Что она видит, Сандро?

– Она видит Бога, – отвечал убежденно Боттичелли.

Образы дантовской «Божественной Комедии» теснились в душе Леонардо беспорядочным роєм. Давно уже Сандро ушел со своей любимой книгой, а Леонардо все сидел, глубоко задумавшись над бумагой, и делал наброски. В голове его родилась другая картина из того же Данте – «Воскресение Христа».

Картина вышла прекрасной, хотя и страдала исторической неточностью и несогласием с евангельским текстом. Для современного вкуса может показаться весьма странной идея сделать свидетелями воскресения Христа лиц католического духовенства в дьяконском облачении и благочестивую христианку, весьма мало похожую на женщин, сопутствовавших Христу. Но Леонардо взглянул на это иначе. В лице Христа он изобразил воплощение христианской идеи и хотел показать, что евангельское сказание о воскресении можно применить ко всякой эпохе, когда только существовали искренно верующие в это событие. Впрочем, в то время такие погрешности против исторической правды не казались странными: у всех великих итальянских художников мы видим то же самое. Лучшей частью картины является образ святой Лючии. Лицо ее, резкое, почти грубое, некрасиво, но чудное выражение глаз заставляет забывать это. Глаза святой Лючии – глаза мученицы, одухотворенной беспредельной восторженной любовью к Христу, которая заставила ее без трепета идти на смертную муку. Другая прикрытая фигура – патрона Винчи-Леонардо, выражающая твердую веру и радость. «Воскресение Христа» находится в Берлинской картинной галерее.

Теперь Леонардо был далеко не тот мальчик, который помогал когда-то учителю написать ангела для «Крещения Господня». Художник много пережил, многому научился. Целый ряд путешествий по Италии принес ему много пользы. Его тетрадки и альбомы были испещ-

рены многочисленными набросками и заметками. Из рисунков сохранилось немного, но и по ним мы можем достаточно ясно судить, с какой тщательностью изображал Леонардо все, что обращало на себя его внимание: фигуры животных, деревья, отдельные листья кустарников, травы, различную утварь... Эти подготовительные работы принесли художнику много пользы. У Верроккьо Винчи пробыл после окончания учения еще около пяти лет.

На вилле Кареджи, около Флоренции, жил широкой жизнью Лоренцо Медичи, прозванный Великолепным. В его роскошном дворце пиры сменялись пирами; аллегорические процессии, устраиваемые лучшими художниками Флоренции, сменялись блестящими турнирами, гремевшими далеко за пределами Италии. На эти турниры съезжались все знатные гости итальянских государств, вельможи, герцоги, рыцари из далеких чужеземных стран.

Рисунок Леонардо да Винчи

Леонардо не пропускал турниров. Он любил этот блеск и шум, любил красоту, отвагу сражавшихся рыцарей. Он наслаждался зрелищем красивых движений, сверканием стальных лат и горящих отвагой глаз; он любовался лицами прекрасных дам, смотрящих с высоты своих почетных мест на бьющихся во славу их рыцарей; он любовался этими лицами, оживленными выражением то страха и скорби, то жгучего любопытства, то беспредельного торжества. И Леонардо неизменно вынимал свою верную спутницу – записную книжку – и заносил в нее портреты рыцарей и дам.

Еще в то время, когда Леонардо был учеником Верроккьо, он увлекался празднествами, устраиваемыми могущественным Лоренцо. Особенно памятен был ему знаменитый турнир, на котором участвовали все красивейшие юноши Флоренции. На этом состязании Лоренцо гарцевал перед прекрасной Лукрецией Донати, а покойный брат его, Джулиано, в серебряной кольчуге и шитом серебром и жемчугом costume, в шапочке, осыпанной драгоценными камнями, красовался на своем горячем коне перед прелестной Симонеттой, которая была тогда ему дороже самой жизни... И Леонардо с увлечением нарисовал красавицу Симонетту и ее рыцаря – красавца Джулиано, который скоро пал жертвой кровавого заговора.

Во Флоренции, как и во всех итальянских городах того времени, между знатными фамилиями, желавшими первенствовать, шла вечная упорная борьба. Флорентийская фамилия

Пацци давно уже враждовала с родственной ей фамилией Медичи и оспаривала у последних власть и могущество в родном городе. За эту вражду пришлось первому поплатиться жизнью Джулиано Медичи, когда-то изображенному Леонардо в момент высшего счастья: он пал, пронзенный кинжалом в сердце в храме Санта-Мария дель Фьоре во время обедни. Тяжело раненный Лоренцо укрылся тогда в ризнице, и это спасло его. После заговора флорентийцы пришли в неопишумую ярость. Имя Медичи сделалось для них священным.

– Смерть собакам Пацци! Смерть гнусным заговорщикам! – стоном стояло над городом.

Городской совет объявил 400 смертных приговоров. Заговорщики были подвергнуты пытке и повешены. Самый смелый из них, Бернардо Вандини, бежал в Константинополь, но был выдан султаном и казнен. И Леонардо, присутствовавший при казни, занес страшную картину в свою записную книжку.

Заговор Пацци только усилил могущество Лоренцо Великолепного, окружил его ореолом чего-то священного. Он употреблял все усилия, чтобы поддержать свое значение. Блеском двора он рассчитывал ослепить своих сограждан, прогреметь во всех христианских землях и показать народу свою благость и свое могущество. Лоренцо хотел доказать республике, что он необходим ей как правитель, и мало-помалу, распуская тонкие сети политической игры, стать неограниченным монархом Флоренции. С одной стороны, покровительствуя науке и искусству, собирая вокруг себя все, что было замечательного и талантливое, Лоренцо старался приобрести преданность лучших людей страны; с другой стороны, устраивая многочисленные празднества для простого народа, он покупал его рабскую покорность. Он окружил себя таким ореолом величия, что заставлял невольно преклоняться перед собой. Этот гениальный честолюбец, просвещенный тиран, и все-таки тиран, тонко и ловко забирал в свои руки независимость и свободу Флоренции. И таким образом он являлся настоящим монархом свободной республики. На вилле Кареджи постоянно принимались блестящие посольства; к Лоренцо стекались итальянские и немецкие вельможи, князья, герцоги; ему присылались богатейшие дары из отдаленных государств Востока. Раз посольство от восточного султана преподнесло в дар Лоренцо Медичи множество драгоценных подарков и в числе их жирафа и прирученного льва. Лоренцо, любивший блеснуть перед толпой, устроил на городской площади оригинальную охоту. Дикие кабаны, лошади, быки, собаки, лев и жирафа, выпущенные на свободу, должны были вступить в смертельный бой... На знаменитый маскарад «Торжество Камилла», на который съехалось множество кардиналов, Лоренцо хотел достать у папы слона, но тот, вместо слона, занятого в это время в другом месте, послал Медичи двух леопардов и барса. При этом папа весьма сожалел, что его сан не позволяет ему явиться на это великолепное зрелище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.